

Музыкальный фольклор в современной культуре проходит в СМИ и в сознании большинства людей под рубрикой «культура/искусство». Но если понимать культуру как сумму повседневных практик, как мозаику субкультур?

Как живёт фольклор в появляющихся сообществах энтузиастов, профессионалов и любителей? Они не просто изучают и воспроизводят на сцене

Ирина Шувалова,

магистрантка Центра типологии
и семиотики фольклора РГГУ,
участница фольклорно-
этнографических ансамблей,
Москва,
i.o.shuvalova@gmail.com

Фольклорное движение

Проблемы роста

художественную, музыкальную народную традицию, они включают традиции прошлого в свою жизнь.

О том, как участники городских фольклорных ансамблей через отношение к музыкальному фольклору и сопутствующим аспектам культуры решают для себя вопрос примирения в собственной жизни традиции и современности, мы и хотим поговорить особо.

Речь пойдёт об одном сообществе, сложившемся вокруг народной музыки, в котором я сама, не скрою, занимаю инсайдерскую позицию. Это сообщество любителей (хотя и не только) фольклорных ансамблей со всей страны. Его основатели ещё в 1989 г. закрепили свой статус в качестве общественной организации «Российский фольклорный союз», и к сегодняшнему дню это имя является настоящим знаком принадлежности к определённому подходу. И хотя при ближайшем рассмотрении становится видно, как много противоречий и расхождений скрывает это единство, основы в деятельности одни и те же: ездить в экспедиции; работать с этнографическим материалом, то есть учить песни не с нот, а с аудиозаписей, в идеале — с голосов исполнителей «в поле»; воспроизводить (или стараться воспроизводить) диалектные особенности языка и локального исполнительского стиля, не говоря уже об использовании общего народного способа звукоизвлечения; сопровождать пение соответствующей по манере пляской и местным костюмом, и... Да, обращение к живой традиции за «художественным» материалом почти незаметно продолжилось перенятием ценностей, до какой-то степени образа жизни, веры, неразрывно связанных со всеми этими социокультурными формами.

Можно сравнить это с клубами исторической реконструкции, и мне случалось встречать такую точку зрения. Но вряд ли кто-то из участников так называемого «фольклорного движения» согласится на это название. Если присмотреться, отличия обнаружит даже пристрастный взгляд: хотя бы то, что реконструкторы восстанавливают и моделируют по археологическим находкам прошлое, а фольклорные ансамбли и студии работают как радикальные включенные наблюдатели, ставящие своей целью не просто исследовать и отразить традицию, но и реально впитать культурные значения, изменить символическую сферу своей собственной личности. В данной деятельности, в отличие от научной, это расценивается как удача, а не как провал. Очень характерным в этом смысле мне показал-

ся недавний случай, когда один из педагогов московской фольклорной студии обобщила для новичков задачи обучения: «Стараемся быть как бабушки».

Не уходя далеко от сопоставления с научной деятельностью, хочу заметить, что самоназвание участников фольклорного движения — фольклористы, вне зависимости от того, любители они или профессионалы (например, тут много этномузкологов и фольклористов-филологов, и специалистов по декоративно-прикладному искусству). Кое-кто, в том числе и я, периодически размышляет над лучшим названием для такого рода деятельности, но ничего пока не найдено. Так что пусть меня простит наука, но я последую традиции и буду называть своё окружение фольклористами.

И вот такой фольклорист, даже при очень сильном погружении в традицию, чаще всего продолжает жить в городе, существовать в системе фольклорных коллективов, перед которыми часто встают цели художественные: замышляются арт-проекты, готовятся театрализованные программы, осуществляются выступления на разнообразных фестивалях. Но функцией «искусства» всё не ограничивается. Материал проникает в жизнь и оказывается применим в ряде событий: речь, конечно, не идёт о совместном выезде на поля для сбора урожая и пения живых песен, но и сейчас православными отмечаются традиционные праздники, в которых давно уже слиты церковная и народная обрядность, и сейчас люди женятся и растят детей, и сейчас проводят время вместе — и в сообществе фольклористов застолье обязательно сопровождается песнями и танцами. Строго говоря, при таком воспроизведении прагматика традиционных форм, иногда неумовимо, меняется: вопреки существующему внутри традиции разделению по возрастам и строгому регламентированию состава участников обрядов и вечёрок, в реальной современной жизни на танцы ходят все, от мала до велика, танцуя даже с внуками на руках, праздники отмечают также всей своей маленькой «социальной деревней», какого бы половозрастного состава она не была.

Фольклорное движение

Проблемы роста

Кажется, я поставила телегу впереди лошади, начав разговор с собственных наблюдений за тем, как реальная жизнь, к радости или вопреки стараниям фольклористов, направляет взаимодействие традиции и современности. А начать стоило бы с того, что при таком тесном сплетении, когда традиционную и современную культуру нельзя поделить на разные отсеки типа «работа — личная жизнь», перед каждым рано или поздно встанет вопрос, как соединить две эти культуры, две жизни в одну. Наверняка так происходит с теми, кто приходит заниматься фольклором в сознательном возрасте. Мне трудно судить. Зато, будучи дочерью руководителя фольклорного коллектива, могу сказать, что и такие «наследственные фольклористы» проходят через период рефлексий, осмысления и поиска собственного ответа. От этого ответа зависит личный способ отношения к записанному от носителей традиции музыкальному материалу: как и что петь, плясать, носить в конце концов. Каждый, таким образом, формирует своё собственное решение проблемы сохранения традиции в современности.

Истари хорошим тоном считается сконцентрироваться на максимально локальном уровне традиции: одной деревне или области, где распространены похожие по типу песни, пляски, одежда. Иначе сложно по-настоящему познать все тонкости, овладеть соответствующим пением и танцем. Лучшие коллективы работают именно по такому принципу: например, очень активный молодёжный фольклорно-этнографический центр «Дербенёвка» (Москва) изучает традицию верхней Оки, которая охватывает части современных административных единиц — Калужской и Тульской областей. Но случается так, что коллективы устают от узости репертуара, который сохранился или был записан не во всей полноте и который к тому же, в отличие от естественной традиционной ситуации, не получает вообще никакого развития. Тогда принцип одной традиции применяется очень расширительно, руководствуясь обобщениями типа Юг (это и Белгород, и Курск, и Брянск, и русско-украинско-

белорусское пограничье), Русский Север (Архангельск, Вологда, Ярославль и сопредельные районы), казачья песня (Дон, Кубань, песни казаков-некрасовцев), Сибирь, Урал. Но чаще такое происходит в Москве и Питере — в урбанизированных регионах, где о своей традиции говорить трудно. Поэтому особое уважение вызывают московские ансамбли «Оберег» и «Истоки», которые по крупинкам собирают материал на окраинах Подмосковья. Ну а региональные центры с богатыми закромами обычно не выходят за рамки региона: ансамбль «Воля» Воронежской государственной академии искусств поёт песни Воронежской области и Воронежско-Белгородского пограничья, ансамбль Вологодского государственного педагогического университета — песни Вологодской области. В Сибири интереснее. Там собирают обычно песни всех сёл, входящих в одну административную единицу, среди которых есть переселенцы из самых разных мест. Конечно, этот вопрос осознаётся, но материала из одной деревни для коллектива часто не хватает.

И что к тому же делать с видимой тем не менее близостью между некоторыми из этих традиций, сложившихся в результате длительного соседства?

Тут есть ещё одна тонкость. Даже в тех случаях, когда к традиции относятся столь скрупулёзно, существует два варианта обращения с источниками: либо брать одну конкретную запись, один вариант и учить его максимально дословно (и «дозвучно»), либо учитывать все имеющиеся варианты и даже больше — почувствованные закономерности ведения подголоска или нижнего голоса, например. Приверженцами первого подхода часто являются выпускники консерваторий, в частности, отделения этномузыкологии Санкт-Петербургской консерватории им. Римского-Корсакова. А вот известный в фольклорном мире собиратель и исполнитель В.В. Асанов из Новосибирска, собравший огромное количество областного материала, всегда говорит, что надо петь не просто как есть, а как в этой традиции может быть. Это отношение сродни

тому, что при хорошем знании языка как системы человек вполне может формулировать сам правильные с точки зрения языка речевые высказывания. Кстати, Асанов — один из немногих, кто сочиняет свои песни и сказки в фольклорном духе, в которых появляются и поезд «Сиби́ряк», и мотоциклы, и прочие актуальные реалии.

Но есть и коллективы, которые поют разные традиции. Они исходят либо из посыла, что все они — переселенцы из разных областей, либо из того, что нравится им многое и разное. Конечно, в таких случаях они не ездят всюду в экспедиции, а просто обмениваются материалами с друзьями и соратниками. Кстати, интересно, как решается в таких случаях

вопрос с одеждой: кто-то и одет в костюмы разных регионов в соответствии с пристрастиями или происхождением, кто-то изобретает свои собственные стилизованные костюмы, соблюдая наличие всех важных элементов, как московский ансамбль «Измайловская слобода». Современные дизайнеры, к счастью, в подобных поисках живого развития традиции не пытаются создать концертные платья, которые имитируют народную одежду и в которых невозможно реально жить, а ищут компромиссные формы на основе городского платья или парочки начала XX в., где традиция только начинает сменяться модой.

Не всегда эти подходы разделяются соответственно тому, что для коллектива представляется более важным — сценическая деятельность или реальная жизнь самого коллектива и всякие социальные формы работы с публикой. Безусловно, если сцена имеет приоритет, то и материал отбирается наиболее выигрышный, соответствующий по звуковысотным характеристикам исполнителям. А если важнее, скажем так, повседневная жизнь с песней, то такой выборки не производится. И неважно, что у бабушек из с. Северное диапазон больше и «басы» почти мужские, но если мы, молодые девчонки со слабо звучащими внизу головами, хотим петь эту лирическую песню, то в своём кругу продолжаем её жизнь.

На мой взгляд, это чувство главенства «духа» над музыкальной формой, социальная функциональность песен и танцев в реальной жизни часто берёт верх над аутентичностью локальной традиции, к тому же перенесённой в другую среду, в город. Ведь сама ситуация осознанного поиска материала и обучения ему себя и детей отлична от естественной жизни в культурной традиции, и, по существу, не важно, живёшь ты в областном центре того края, традицию которого изучаешь, или в столице. Когда в изучаемой традиции не хватает песен, к примеру, масленичных или святочных, даже самые последовательные ансамбли обращаются к традициям другим. В субкультуре фольклористов выделяются любимые песни и танцы, которые известны практически всем, кото-

Фольклорное движение

Проблемы роста

рые и поются-пляшутся на общих встречах, на фестивальных вечёрках. Помню, в 2008 г. на Форуме «Живая традиция», который РФС организует в Москве, один действительно хороший специалист из Перми очень критиковал молодёжь за усреднённую танцевальную манеру и за то, что на вечёрках плясали разные танцы без разбора. Надо, мол, делать региональные вечера, которые проводил бы человек, знающий традицию. И это, конечно, звучит здорово и привлекательно, но как же тогда непосредственность участия и атмосферы? Может, сама жизнь вносит свои коррективы в наши идеальные построения о том, как продолжить традицию в современности. Ведь сущность традиции — не быть замороженной в форме непререкаемого образца, а жить и развиваться. И от таких мыслей как-то спокойнее начинаешь относиться к всенародно известным песням типа «Мороз, мороз», многие из которых — песни из фильмов, просто песни авторские.

В последнее время возникло много объединений и форм, отличных от фольклорных ансамблей. В Москве это песенные клубы, например, Клуб сибирской песни В. Асанова или Клуб казачьей песни И. Петрова, танцевальные вечера, например, летние танцы на Патриаршем мосту, организованные деятельной компанией молодёжи «Гуляй нога». И это показательно. Если ставить цель знакомства публики с народной традиционной культурой, а именно её ставят многие участники фольклорного движения, то эти формы оказываются более действенными и жизненными, чем сценические концерты. А педантичное следование всем тонкостям ставит вопрос ребром: либо ты вовлекаешься в изучение традиции всерьёз и навсегда, либо её вовсе нет в твоей жизни. Вернее, есть ирландский и шотландский фолк, более простой на первый взгляд, модный, доступный. А ведь хочется, чтобы столь привлекательной была и русская традиция, которой зачастую увлекаются россияне и других национальностей — те же татары и даже приезжие европейцы, поскольку культурная традиция оказывается значимой именно в качестве

средства культурной идентификации. Но меня всё же мучает один серьёзный вопрос: как при популяризации и неизбежном изменении-упрощении обойти стороной сувениризацию, оставляющую только стереотипный ряд «балалайка-матрёшка-калинка-малинка»? Может быть, именно серьёзное и проникновенное занятие локальной традицией так и останется тем самым необходимым полюсом равновесия.

P.S. Поскольку основные активисты фольклорного движения — горожане, да и урбанизированность у нас солидная, то и речь в статье шла о сохранении традиции в городе. Но стоит отметить ещё одну важную идею, возникшую не вчера, но довольно сложную для реализации. Смысл сохранения локальных традиций городские исследователи и ансамбли видят ещё и в том, чтобы создавать культурные центры на местности и возвращать туда материал для сохранения и использования настоящими наследниками этой традиции. Говорят, что в Вологодской области благодаря подобной программе в сёлах, где шла работа, снизился уровень преступности. Та же «Дербенёвка» ездит в деревни Калужской области и пытается увлечь молодёжь их же традицией, вдохнуть в них интерес и желание продолжить её в собственной жизни. Таким образом, то, что окружающие считают более-менее игрой или творчеством на любителя, преобразуется в серьёзную проектную деятельность в сотрудничестве с экономистами, специалистами по региональному развитию... Насколько реален этот деревенский ренессанс — зависит и от действий властей, и от числа энтузиастов, но также от того, как они смогут решить непростой вопрос приспособления традиции к современности.